

УДК 811.161.1"38

Е.Д. Козлов

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЖЕНЩИНА-ПОЭТ» В ЛИРИКЕ ЮННЫ МОРИЦ

Є.Д. КОЗЛОВ. ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ ТИПАЖ «ЖІНКА-ПОЕТ» В ЛІРИЦІ ЮННИ МОРИЦ

В статті розглядається лінгвокультурне моделювання такого типу російської культури, як «жінка-поет», який у культурній свідомості постає як варіант типу «російський поет», простежується його динаміка в російській лінгвокультурі XIX–XXI століть та на тлі його типової реалізації у російській поезії виявляються особливості інтерпретації цього лінгвокультурного типу у творчості Юнни Моріц.

Ключові слова: лінгвокультурний типаж, концепт, гендер, поет, жінка-поет, окказіональний онім, автономінація.

E.D. KOZLOV. LINGVOCULTURAL TYPE «WOMAN-POET» IN LYRICS OF JUNNA MORIC

В статье рассматривается лингвокультурное моделирование такого типа русской культуры, как «женщина-поэт», который в культурном сознании выступает в качестве варианта типа «русский поэт»; прослеживается его динамика в русской лингвокультуре XIX–XXI веков и на фоне его типичной реализации в русской поэзии выявляются особенности интерпретации данного лингвокультурного типа в творчестве Юнны Морич.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, гендер, поэт, женщина-поэт, окказиональный оним, автономинация.

Y.D. KOZLOV. Linguistic and cultural character type “female poet” in Junna Moric’s poetry

The article comprises the observation of linguistic and cultural modeling of such Russian cultural character type as “female poet” and its dynamic development in Russian literature of XIX–XXI centuries. Special features of interpretation of this linguistic and cultural character type in Junna Moric’s works are explored in comparison to its typical occurrence in Russian poetry. Following V.I. Karasik we understand linguistic and cultural character type as “an image recognizable for a particular culture” which is represented in a language. As a matter of fact, linguistic and cultural character type is a concept “denoting the personality which is typified”.

Throughout XIX–XXI centuries a linguistic and cultural character type “woman-poet” appeared in Russian culture, this type emphasizes “mastery”, “the ability to create good poetry” and removes gender-based questions. We can observe several stages in the development of this linguistic and cultural character type. In the culture of XIX century woman-poets were considered to be peculiar in comparison with man-poets but secondary and staying in the background. The self-identification of woman-poets directly depended on skeptical assessment of their contemporaries; therefore they avoided using the word “poet” for autonomination. The beginning of XX century marked the new stage in assessment of female poetry and in self-awareness of woman-poets who started rejecting their “special status”, “femininity”, and asserting themselves to be equal to man-poets. In Russian culture XX century and the beginning of the XXI century is characterized by the tradition of using the word “poet” for calling women who wrote poems and refusal to call them “poetesses”. The word “poet” was used to name true poets regardless of their gender.

Junna Moric stands out against this background; in her works we observe the evolution of self-identification from the common thing for Russian linguistic culture of calling herself a “poet” to creation of an occasional onym for autonomination. This onym is formed with the help of the most productive Russian suffix of femininity -к-. The use of this suffix makes the word close to common words of feminine gender. The actualization of gender component in Junna Moric’s individual style marks out her self-identification in comparison with Russian linguistic and cultural tradition.

Key words: linguistic and cultural character type, gender, concept, poet, female poet, occasional onym, autonomination

В числе констант различных лингвокультур мира представлены универсалии, являющиеся результатом языкового осмысления такого основополагающего понятия, как гендер. Понятие гендера объединяет в себе множество психологических, социальных и культурологических факторов, возникающих в связи с проблемой биологического пола, и употребляется для обозначения всего, что ассоциируется с маскулинностью и феминностью с точки зрения различий между ними. В языке эти различия могут находить свое выражение, например, в грамматических формах, но в первую очередь стоит говорить о лексическом наполнении языка, связанном с формированием в нем концептов «мужчина» и «женщина».

При лингвальном гендерном анализе мы учитываем тот факт, что гендерная идентификация в социуме и самоидентификация женщины-автора как женщины-поэта не является абсолютной и имеет различные формы представления. Эти различия мы можем наблюдать в поэтической диахронии и на синхронном срезе развития поэзии, т. к. гендерная идентификация по-разному реализуется даже в творчестве поэтов-современников.

Свою задачу мы видим в том, чтобы определить специфику лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в творчестве Юнны Мориц на фоне его типичной реализации в русской поэзии. Лингвокультурным типажом мы, вслед за В. И. Карасиком, называем «узнаваемый образ представителей определенной культуры» [6, с. 179], который находит свое выражение в языке. По своей сути лингвокультурный типаж представляет собой концепт, «содержанием которого является типизируемая личность» [6, с. 180]. Он включает в себя стереотипные представления о типизируемой личности, с которой носитель языка себя осознает или неосознанно ассоциирует. То есть, в отличие от стереотипа, лингвокультурный типаж соотносится с реальной личностью, которая существует, либо существовала. Это понятие пересекается с понятиями «языковая личность», «амплуа», «персонаж», «модельная личность», «роль», «стереотип» и другими, но имеет свои особенности, важнейшими из которых, по мнению В. И. Карасика, являются: типизируемость определенной личности, важность этой личности для культуры, наличие оценочной составляющей в концепте, возможность его конкретизации в реальной личности или персонаже художественного произведения.

Предметом нашего рассмотрения будет лингвокультурное моделирование такого типа-

жа русской культуры, как «женщина-поэт», который в культурном сознании выступает в качестве варианта типажа «русский поэт», имеющего, в свою очередь, ряд отличительных характеристик (описание понятийного содержания концепта «поэт» было дано в статье «Формирование лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в русской поэзии» [8]).

По нашему мнению, лингвокультурный типаж женщина-поэт является частностью более общего типажа «русский поэт». Русские поэты XIX–XXI веков неоднократно обращались к типу «женщина-поэт», подчеркивая женскую составляющую этого понятия.

По нормам языка мужскому слову «поэт» в рамках гендерной пары соответствует женский вариант – «поэтесса». При этом в русской лингвокультуре существует противопоставление «поэтесса» – «женщина-поэт», и в русской культурной традиции нормативным и более регулярным считается употребление мужской лексики «поэт» для номинации лиц как женского, так и мужского пола. Это связано с тем, что в русском языке целый ряд существительных, называющих профессии, не имеет нормативной лексики женского рода и мужской род является видовым: *врач, инженер, педагог, офицер* и т. п. Систематическое описание коммуникативного поведения представителя лингвокультурного типажа создает социально-речевой портрет (термин введен Л. П. Крысиным). Для русских женщин-поэтов XX–XXI веков характерным является употребление слова мужского рода «поэт» для автономии, несмотря на наличие гендерной пары. С точки зрения языка можно говорить об актуализации видового значения слова «поэт».

Примеров такой номинации мы можем найти множество.

Русская поэзия XIX века включает немало имен женщин-поэтесс, среди которых А. Волкова, З. Волконская, Е. Ростопчина, А. Готовцова, Н. Теплова, К. Павлова, Ю. Жадовская, Н. Хвоцинская, А. Барыкова, О. Чюмина, М. Лохвицкая, П. Соловьева и ряд других. В то же время формируется снисходительное отношение к женской поэзии как поэзии второго сорта, существенно уступающей мужскому творчеству, которое единственно и признается полноценным. Так, А. Г. Степанова-Бородина в «Воспоминаниях о Некрасове» (1903) пишет, что В. П. Буренин «...все стрелы своего остроумия направляет на меня только потому, что я «дама», как он выражается, значит, и писать могу только по-дамски» [15, с. 285].

Следует отметить, что даже А. С. Пушкин, высоко оценивая творчество некоторых своих современниц, неоднозначно относился к «женской литературе». Так, например, он говорил о достоинствах работ З. Волконской, А. Готовцевой, Е. Тимашевой, внимательно отнеся к творчеству О. Крюковой, А. Зражевской, Е. Ганн, А. Фукс, но на страницах пушкинского «Современника» почётное место заняла одна только Надежда Дурова.

Критика XIX века зачастую недоброжелательно относилась к женщинам-писательницам. Даже В. Г. Белинский в начале своей деятельности решительно утверждал: «Женщина должна любить искусства, но должна их любить для наслаждения, а не для того, чтобы самой быть художником. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью... <...> Словом, женщина-писательница с талантом жалка; женщина-писательница бездарная смешна и отвратительна. <...> ...я не люблю женщин-писательниц!» [2, с. 226].

Сложное положение женщин-писательниц XIX века определил критик И. В. Киреевский, который писал: «Предрассудок против писательниц ещё во всей силе. Он задавил, может быть, не один талант, обещавший новую красоту нашей литературы и может быть, новую славу» [7, с. 119].

Женщины-поэты XIX века нередко сами разделяли характерный для общественного сознания той поры ограниченный взгляд на женщин и их творчество. Ярким примером может служить поэзия Е. П. Ростопчиной (1811–1858), которая, позиционируя себя как женщину (*А я, я – женщина во всем значенье слова, / Всем женским склонностям покорна я вполне; / Я только женщина, – гордиться тем готова...*), в своих стихотворениях неоднократно утверждала ограниченность женской личности и в жизни, и в творчестве:

*Я женщина!.. во мне и мысль и
вдохновенье
Смирной скромностью быть скованы
должны.*

(Е. Ростопчина. «Черновая книга Пушкина» (1838))

*Да, женская душа должна в тени
светиться,
Как в урне мраморной лампы
скрытой луч...*

(Е. Ростопчина. «Как должны писать женщины» (1840))

Таким образом, для женщин-поэтесс XIX столетия характерно осознание особенностей женского письма, признание себя поэтом с

некоторой оговоркой, мол «Я поэт, но я все-таки женщина, находящаяся «в тени» поэтов-мужчин».

Целый ряд имен талантливых женщин-поэтов представлен в поэтической культуре Серебряного века: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус, Аделина Адалис, Наталия Бернар, Елена Шварцбах-Молчанова (Графиня Мария), Лидия Кологривова, Анна Боане, Надежда Вольпин, Аделаида Герцык, Елена Гуро и многие другие. Но обращение женщины к поэтическому творчеству скептически оценивается большинством мужчин-поэтов и не только. По этому поводу З. Н. Гиппиус в статье «Зверобог» (1908) писала, что нередко высказывается «абсолютное неверие в женскую творческую, мыслящую. <...> «Женское творчество» даже никто не судит. Судят женщину, а не её произведения. Если хвалят, – то именно женщину: ведь вот, баба, а всё-таки умеет кое-как» [3]. Поэтому вполне закономерной оказывается самоидентификация талантливых русских женщин-поэтесс именно как поэтов, равных мужчинам.

А. Ахматова, не разрешавшая определять себя как «поэтессу», обращается к проблеме мужской оценки женской поэзии:

*Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине –
нелепость...*

(А. Ахматова. «В последний раз мы встретились тогда...»)

и с горькой иронией восклицает:

*Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной...*

(А. Ахматова. «Пусть даже вылета мне нет...»)

Позитивное отношение критиков к женскому творчеству основывалось на признании в том или ином произведении женщин-авторов мужского стиля, «мужского письма». Так, например О. Мандельштам писал: «...мужской силы и правды иногда достигает только поэзия Аделины Адалис» [11, с. 275]. Во вступительной статье к книге повестей В. Дмитриевой О. Г. Ласунский пишет, что у неё «суровое, мужское перо» [9, с. 6]. Основная мысль всех этих высказываний сводится к тому, что женщина-автор может быть замечена, только если она писатель с мужским стилем, в противном случае речь может идти о мелких, узких темах, примитивности фабулы, сентиментальности, т. е. о том, что отличает, как будто, «женскую» литературу.

Русская культура XX века устойчиво поддерживает подобный взгляд на женщину поэта, что проявляется и в женской, и в мужской поэзии.

*...Когда же я очнусь от суетного риска
неведомо зачем сводить себя на нет,
но скажет кто-нибудь: она была
артистка,
и скажет кто-нибудь: она была поэт.*

(Б. Ахмадулина. «Взойти на сцену»)
Пришла. Стоит. Ей восемнадцать
лет.

<...>

*И пусть! И пусть! Я знаю, что поэт! –
И плачет, не убрав лицо в ладони.*

(Б. Ахмадулина. «Пришла. Стоит. Ей
восемнадцать лет...»)

Самоограничение и самоуничужение
автора выражено лексическим отбором (*покор-
на, только женщина, смиренной, скованы, в
тебе, скрытой*).

Безусловно, свою роль здесь играет и
отсутствие гендерных пар «автор», «творец»,
которые соотносятся с одним из концептообра-
зующих признаков.

*Другая мне видится странная пара:
вот дама – вся в белом, и шляпы вуаль
лицо затеняет. Я – автор и право
мое – написать...*

(Б. Ахмадулина «Причудливый бродит меж лип
господин...»)

Поэты-мужчины, говоря о поэтессах,
также чаще употребляют форму мужского ро-
да, особенно когда затрагивается аспект оценки
их творчества.

*За медом на Черемушинском рынке
поэт*

стояла,

*и банка,
вынутая из корзинки,
в ее руках невесело сияла.*

*Поэт была худая и седая,
а крошечное тело еле цело...*

(Е. Евтушенко «Поэт на рынке»)

Нет, он не поет,

Нет, она не поэт,

Но в чужие стихи влюблена!

(В. Левин «Стихи о лошади»)

До сих пор талантливую женщину-
поэтессу принято называть поэтом. Противо-
поставляя эти два понятия (*поэтесса* – как
мнимый поэт и *поэт* – как поэт подлинный)
Е. Евтушенко пишет:

*Поэтов-женщин единицы в мире,
но прорва этих самых поэтесс.*

Какой аналитический разбор!

Он подменен во мне животным

страхом,

*когда я жду включения в момент
их слезооросительной системы!*

Именно поэтом называет Веру Павлову
в рецензии на ее книгу стихов Владимир Гу-

байловский: «Первая книга Веры Павловой
«Небесное животное» – такая, какой и должна
быть первая книга *поэта*» (выделено нами –
Е. К.) [4]. Так называет своего любимого соав-
тора и друга Ренату Муху Вадим Левин в кни-
ге, посвященной ее памяти: «Наверное, про-
никнуться замыслом Рены о книге мне поме-
шало давнее и досадное ощущение, будто *Му-
ха-рассказчик* мешает раскрыться *Мухе-
поэту*» (выделено нами – Е. К.) [10, с. 5].

Наша современница Вероника Батхан
(Ника Батхен) – журналист-фрилансер, поэтес-
са, прозаик в статье «Почему женщина не мо-
жет быть поэтом» рассуждает так: «Чтобы су-
меть стать *поэтом*, женщине нужно сдать сло-
ву себя самое, вылезти вон из двугрудой шкуры
и лететь дальше рабочей пчелой улья Логоса.
<...> Говоря проще – чтобы стать настоящим
поэтом, женщина должна отказаться от своей
женской сущности, иначе все ее потуги кончат-
ся исключительно родами» (Выделено нами –
Е. К.) [1].

А поэтесса Злата на сайте «Стихи.ру»
завершает свое стихотворение «Не смейте меня
называть поэтессой!», опубликованное 30 июля
2001 года, словами: *Не смейте меня называть
поэтессой, / Зовите меня поэтом!* [5].

Таким образом, в культуре XX века
женщина-поэт начинает самоутверждаться пу-
тем отказа от своей «особости». Это период
доказательства женщиной-поэтом собственного
равенства с потом-мужчиной. С точки зрения
языка происходит выделение видового значе-
ния существительного «поэт».

На этом фоне явно выделяется поэтесса
Юнна Мориц, в творчестве которой наблюдает-
ся эволюция собственного номинирования: от
привычного для русской лингвокультуры назы-
вания себя «поэтом», когда в существительном
«поэт» доминирует видовое значение (*Я моло-
дым поэтом не была, / Слух не лелеяла и взоры
не ласкала* («Я с гениями водку не пила...»)) [12,
с. 30] до создания собственного окказиональ-
ного онима «Поэтка», подчеркивающего, во-
преки сложившейся в русской лингвокультуре
традиции, женское гендерное начало автора.
Ю. Мориц откровенно позиционирует себя
именно как женщину, пишущую стихи, и с се-
редины 2000-х годов регулярно именуется
«Поэткой». Так назван цикл стихотворений,
открывающий книгу «По закону – привет поч-
тальону». И в стихотворениях этого и после-
дующих циклов многократно встречается дан-
ная автономинация:

А я совсем не хорошенькая

И, вообще, Поэтка.

Поэтка – и больше некому

Носить это имя, детка!

(Ю. Мориц. «Поэтов делу на хорошеньких...») [13, с. 26];

*Поэтка поэтому будет при деле,
Где все на пределе и платят люблями.*

[13, с. 39];

*Так насвистывай дырочкой жизни
Свой, Поэтка, божественный бред!..*

[13, с. 78];

Мороз и солнце – день *Поэтки*...

(«Русской Африки Эллада») [13, с. 96];

...А то могла бы вновь родиться,

Поэтка, ласточка босая.

(Ю. Мориц. «Мои прекрасные морщины...») [13, с. 338];

<...>

Пищи, Поэтка,

Вселенная пищит, – сигнал, как писк ее.

(«Все более – дневник песчинки в океане...») [14, с. 281];

*Не быть Поэткой невозможно в той
стране.*

(«Поэтическая страна») [14, с. 349];

*Великое счастье – дожить до свободы
такой,*

Поэтка эпохи (смотрите в словарь!)

копрофагов.

*Дыши кислородом поэтским, поскольку
другой*

*Тебе перекрыли, но ландыши прут из
оврагов.*

*Ты – чистая лирика, а не с гротеском
бурлеск, –*

*И только посмей мировому стандарту
потрафить!..*

*Ты – детка Поэтка из глуби, где гулы и
плеск.*

*Свое заработав, получишь где не на что
тратить.*

(Ю. Мориц. «Выкапывать труп, говорить ему правду в глаза...») [13, с. 206].

Приведенные примеры (в особенности первый и последний) указывают на то, что именно позиционирование себя как явления особого рода – женщины, пишущей Стихи, да еще и индивидуального, нерядового явления в поэзии вообще и в поэзии женской в частности, требует, с точки зрения поэтессы, и индивидуального номинирования. Не случайно она образует окказиональный оним *Поэтка*, используя самый продуктивный суффикс «женскости» *-к-*. Такой способ словообразования (в отличие от нормативного *поэтесса*). вводит окказиональное слово в ряд естественных для обыденного языка существительных женского рода – *студентка, спортсменка, артистка* и т. п. Еще раз подчеркнем, что образование такой лексемы, созданной по регулярной продуктивной

модели, представляется автору необходимым не для обозначения женщины-поэта вообще, а исключительно для автономии. Для именованья других – как поэтов, так и поэтесс, – Ю. Мориц использует традиционную форму – существительное «поэт» с актуализацией видового значения: *Поэтов делу на хорошеньких, Хороших и очень хороших* [13, с. 26]. Подтверждение этой мысли находим в стихотворении «Из ряда – вон!..», вошедшем в последнюю книгу Ю. Мориц «Сквозеро»:

В одном ряду с Цветаевой, Ахматовой?

Из ряда – вон!.. И будешь им родней.

(Ю. Мориц. «Из ряда – вон!..») [14, с. 307]

Такая самоидентификация воспринимается как выразительная и выделяется именно на фоне общекультурной традиции нейтрализации гендера в русской женской поэзии.

Итак, на протяжении XIX–XXI веков в русской культуре сложился лингвокультурный типаж «женщина-поэт», в котором подчеркиваются составляющие «мастерство», «умение писать стихи высокого качества» и снимается гендерная характеристика. В формировании этого типажа прослеживается несколько этапов. В культуре XIX века женщины-поэты воспринимались как явление особое в сравнении с поэтами-мужчинами, но «вторичное», занимающее позицию «в тени». Самоидентификация женщин-поэтов находилась в прямой зависимости от этой скептической оценки современников, и, подчеркивая свою женскую сущность, они избегали использования для автономии слова «поэт». Начало XX века ознаменовало новый этап в отношении к женской поэзии и в самоосознании женщин-поэтов, которые пошли по пути «отказа» от своей «особости», «женскости», самоутверждаясь, как поэты, равные мужчинам. Они и их последовательницы, включая и наших современниц, и именовать себя стали «поэтами», отказываясь от женской формы «поэтесса». Таким образом, существительное мужского рода «поэт» стало использоваться для обозначения видового понятия – для номинации настоящих поэтов, вне зависимости от их половой принадлежности.

По-иному лингвокультурный типаж «женщина-поэт» реализуется в творчестве Юнны Мориц начала XXI века. Она не просто претендует на равенство с поэтами-мужчинами, а, позиционируя себя как женщину, пишущую стихи; заявляет о своем превосходстве по сравнению с поэтом-мужчиной, о наличии тех возможностей, которых недостает другому полу. Подчеркивая одновременно и свою женскую суть, и принадлежность к поэтам настоящим, она использует для автономии окказио-

нальный оним *Поэтка*. Актуализация гендерной составляющей в поэтическом идиостиле Юнны Мориц выделяет ее авторскую самооценку на фоне общей русской лингвокультурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батхен Ника. Почему женщина не может быть поэтом? [Электронный ресурс] / Ника Батхен // *Somus!* – журнал для умных женщин. – 2006, 15 июля [Особое мнение]. – Режим доступа: <http://somus.ru/news/detail.php?ID=1747>.

2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. – Т. 6 – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 799 с.

3. Гиппиус З. Н. Зверобог. О половом вопросе [Электронный ресурс] / Гиппиус З. Н. – Режим доступа: <http://gippius.com/doc/articles/zverebog.html>

4. Губайловский Владимир. Отрицающая Платона: Вера Павлова. Линия отрыва. СПб., «Пушкинский фонд», 2000, 45 стр. Вера Павлова. Четвертый сон. М., «Захаров», 2000, 111 с. [Электронный ресурс] / Владимир Губайловский // *Новый Мир*. – 2001. – № 5. – Режим доступа до журнала: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/5/obz_gub.html.

5. Злата. Не смейте меня называть поэтессой [Электронный ресурс] / Злата. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2001/08/27-392>.

6. Карасик В. И. Языковые ключи: Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с

7. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х томах / И. В. Киреевский. – М., 1864. – Т. 1. – 1864.

8. Козлов Е. Д. Формирование лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в русской поэзии / Е. Д. Козлов // *Литература в контексте культуры: сб. науч. праць / ред. кол.: В. А. Гусев та ін.* – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 22(2). – С. 179–184.

9. Ласунский О. Г. Вступительная статья / О. Г. Ласунский // Дмитриева В. И. Повести, рассказ. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. Изд-во, 1983. – 351 с. – (Отчий край).

10. Левин В. А. Соавтор мой крылатый: послесловие к ненаписанной автобиографии на двоих. – Харьков: Фолио, 2012. – 91 с.

11. Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2-х томах / О. Э. Мандельштам – Т. 2. – М. Художественная литература, 1990. – 464 с.

12. Мориц Ю. Третий глаз / Ю. Мориц – М.: Советский писатель, 1980. – 145 с.

13. Мориц Ю. По закону – привет почтальону / Ю. Мориц. – М.: Время, 2006. – 576 с.

14. Мориц Ю. Сквозеро / Ю. Мориц. – М.: Время, 2014. – 512 с.

15. Степанова-Бородина А. Г. Воспоминания о Некрасове / Александра Григорьевна Степанова-Бородина // Некрасов Н. А. в воспоминаниях современников / Вст. ст. Г. В. Краснова, подгот. текста и прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 278–287. (Серия литературных мемуаров).